

НАУЧНОЕ ПОЗНАНИЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА И ЕГО ПОНЯТИЙНО- ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ: ОПЫТ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

***Аннотация.** В статье рассматриваются этапы юридического научного познания и его понятийно-терминологические основания. Аргументируется, что объект исследования юриспруденции носит методологический (эпистемологически сконструированный) характер, в связи с чем научное познание государства и права всегда опосредовано их исходными понятийно-терминологическими моделями. Характеризуется методологическая специфика понятий и определений в юриспруденции. Доказывается, что в процессе познания юридическая наука осуществляет «удвоение» познаваемой реальности, которое проявляется в единстве эмпирического (текстуального, терминологического) и надэмпирического (теоретико-понятийного) начал. В связи с этим обосновывается категория понятийно-терминологического аппарата юридической науки.*

***Ключевые слова:** юридическая наука, понятие, термин, определение, научное познание, государство и право, понятийно-терминологический аппарат, методология.*

LEGAL COGNITION OF STATE AND LAW AND ITS CONCEPTO-TERMINOLOGICAL FOUNDATIONS: AN EXPERIENCE OF METHODOLOGICAL RECONSTRUCTION

***Abstract.** The study discusses the stages of legal science' cognition and its concepto-terminological foundations. The research argues the object of jurisprudence to be methodological (constructed epistemologically) and therefore their initial concepto-terminological models mediate scientific cognition of state and law constantly. Methodological specific of jurisprudence' concepts and definitions is described. The article proves that legal science performs the «redoubling» of knowable reality through the cognition; the last is the unity of empirical (textual, terminological) and overempirical (theoretico-conceptual) foundations. Thereupon the author justifies a category of legal science' concepto-terminological apparatus.*

***Keywords:** legal science, concept, terminus, definition, legal cognition, state and law, concepto-terminological apparatus, methodology.*

Процесс научного познания государства и права представляет собой совокупность последовательных этапов «движения» юридического мышления, начинающегося с выделения в структуре действительности познаваемого фрагмента и завершающегося логико-языковой репрезентацией полученного о нем знания в текстуальной форме. Тем самым юридическая наука осуществляет «удвоение реальности», надстраивая над правовой действительностью ее концептуальный образ и теоретически реконструируя ее в системе понятий, терминов, гипотез, идей и представлений. В этом смысле схематически научное государственно-правовое познание можно представить как процесс формирования теоретического понятия и его терминологического выражения.

Немецкий правовед Фридрих Карл фон Савиньи одним из первых в континентальной юриспруденции отметил методологическую взаимосвязь между научными понятиями и терминологией. Критикуя учение своих современников об исковой давности в римском гражданском праве, ученый писал: «Возникновение и особенно закрепление... ошибочных понятий тесно связаны с фальшивыми специальными терминами, введенными в этом учении» [55, с. 182]. Рассматривая понятийно-терминологические основания конструкций прескрипции и эксцепции, фон Савиньи утверждает, что ошибочный выбор исходных терминов, на значениях которых были разработаны соответствующие конструкции, в результате привел к понятийной ошибке: отождествлению исковой и приобретательной давности [55, с. 182–183]. В дальнейшем исследователь неоднократно отмечает соответствующие ошибки в современных ему работах по римскому частному праву: «...некритически допущенная терминология незаметно привела к заблуждению в самом вопросе» [55, с. 225] — говорит он, характеризуя учение о гражданско-правовых сроках; «в образовании и обозначении... понятий господствует полное совпадение (курсив мой. — В.П.)» [55, с. 258] — констатирует он впоследствии. Общим итогом рассуждений классика европейской юриспруденции становится следующий вывод: «...мы обнаруживаем в римском праве весьма определенные понятия, а для их выражения — точные специальные термины, но это самое преимущество уверенности в исследовании утрачивается по большей части вследствие указанного произвольно выбранного выражения» [55, с. 532].

Таким образом, уже фон Савиньи обращает внимание на методологическую взаимосвязь понятийного и терминологического аппарата юридических исследований. «Между неправильной терминологией и ложной конструкцией или связью понятий есть явное и опасное взаимодействие, — отмечал ученый. — Ибо если, с одной стороны, неправильный термин есть продукт и признак ложного понятия, то, с другой стороны, последнее закрепляет и передает далее первый» [54, с. 270]. Приведенные представления позволяют охарактеризовать научное юридическое мышление, познающее государство и право, как *языковое* мышление, понятийные и терминологические

гические аспекты которого образуют единый методологический комплекс, *понятийно-терминологический аппарат*.

Обращение к отечественным правовым исследованиям показывает, что сама формулировка «понятийно-терминологический аппарат» в юридической литературе практически не востребована [75] (в отличие от ряда других областей гуманитарных исследований [23; 29]). К примеру, А.М. Васильев при рассмотрении категориальных аспектов методологии советского правоведения лишь единожды обращается к терминологическим аспектам проблемы, отмечая роль научной терминологии в обозначении юридических понятий [16, с. 87].

Характеризуя правовую природу общих дозволений и запретов, С.С. Алексеев говорит только об их концептуализации с точки зрения «традиционного понятийного аппарата» юриспруденции [2, с. 228]; терминологическая форма общих дозволений и запретов рассматривается им изолированно от понятийной базы данных конструкций [2, с. 421–422], и это дает основания полагать, что в его концепции терминологический аппарат правоведения не обладает самостоятельным значением и как предмет исследований носит во многом вторичный характер в сравнении с понятийным аппаратом правовой науки. Обращение к последующим разработкам Алексеева в принципе подтверждает изложенное. В частности, рассуждая о специфике догматической юриспруденции, он говорит о «юридическом понятийном аппарате и лексике» как о качественно различных феноменах [3, с. 118]; связь теоретических понятий и научных терминов в дальнейшем упоминается ученым лишь в контексте их функционального соответствия [3, с. 372, 423]. Тем самым, центральным предметом его разработок становится именно *понятийный, а не понятийно-терминологический аппарат правовой науки*. Акцент только на понятийном аппарате правоведения прослеживается и в современных исследованиях. Например, Д.В. Пожарский отмечая, что «право и государство существуют прежде всего в языковой (словесной) форме» [46, с. 17], не уделяет этой — терминологической — форме внимания при характеристике понятийного аппарата юриспруденции.

Изложенное позволяет охарактеризовать теоретико-методологические исследования понятийного аппарата юриспруденции как в определенном смысле односторонние, поскольку в соответствующих разработках терминология правоведения оставлена по преимуществу без рассмотрения. По этой причине в настоящей работе актуализируется исследование именно *понятийно-терминологической проблематики* юриспруденции, исходным моментом которой в связи с этим становится выведение концептуальных оснований *понятийно-терминологического аппарата* современной юридической науки. Таким образом, определить, что представляет собой понятийно-терминологический аппарат юриспруденции, можно, лишь предварительно исследовав процесс юридического научного познания.

Его *исходным этапом* выступает выделение государственно-правовой реальности как познаваемого фрагмента действительности *per se* [92, p. 203; 93, s. 152; 94, s. 57]. Вместе с тем уже соответствующая характеристика этой реальности требует обращения к исходным понятийным основаниям, к представлениям о государстве и праве. Как отмечает В.М. Розин, «объект — это *конструкция философа, позволяющая... считать объект реальностью, тем, что существует объективно, что можно познавать, с чем можно действовать*» [52, с. 86]. Конструкция объекта научного изучения в правоведении задается философскими дискурсами, в которых формируется первичное (для целей юридического исследования) понимание государства и права.

Этот подход обосновывается в методологическом направлении общетеоретической юриспруденции [63, с. 114 и след.]. Основанием такой исследовательской ориентации в немалой степени является тот факт, что государство и право, а также весь комплекс явлений и процессов, складывающийся в их структуре, есть в большей степени *идеальные объекты*, чем эмпирические данности. Перефразируя немецкого логика и философа Готлоба Фреге, можно утверждать, что государство и право часто называют *мысленными* явлениями, но было бы ложным назвать их *выдуманнными* явлениями¹. Как мысленные конструкты, государство и право представлены в юридическом мышлении на уровне исходных философских понятий, составляющих основу для дальнейших теоретико-правовых разработок [30, с. 16].

Уже на начальном этапе исследования ученый-юрист обращается к философским понятиям, которые в качестве теоретико-онтологических схем задают пределы познаваемого объекта; в первую очередь это философские категории реальности, действительности, философские концептуализации государства и права. Аналогичную функцию выполняют и те понятия правоведения, которые берутся исследователем в качестве концептуальной первоосновы [8, с. 24; 47, с. 155]. По данному поводу И.Л. Честнов говорит о «предварительном определении объекта» в процессе юридического научного познания [71, с. 9–10]. Как отмечает ученый, в юриспруденции «знание о действительности, описываемое на языке определенной теории, может быть обосновано лишь на языке метатеории, а она (и ее язык) — лишь на языке следующей, и так далее до бесконечности. При этом исходным элементом языка является не слово — имя, обозначающее объект, а предложение, так как эмпирическое значение слова зависит от предложения как целого. Отдельное же предложение, в свою очередь, связано с языком, а тот — с культурой» [70, с. 180].

Изложенное позволяет охарактеризовать первоначальный этап научного познания государства и права как процесс выбора исходных понятийно-

---

¹ «Экватор часто называют мысленной линией, но было бы ложным назвать его *выдуманной* линией» [64, с. 167].

терминологических оснований, задающих онтологическую схему познаваемого объекта и репрезентирующих в его структуре определенные познавательные смыслы. При этом речь идет об объекте познания не в *натуралистическом* смысле (как о внеположной исследователю реальности, функционирующей и существующей независимо от него), а в *методологическом*, то есть как о некотором *конструкте*, исходные характеристики которого определяются философскими и научно-понятийными основаниями, взятыми в качестве теоретического фундамента.

Процесс формирования объекта науки в методологическом понимании возможно представить в виде следующей логической цепочки: *феномен (фрагмент действительности) → отражение → интерпретация → объект*.

Такой процесс выделения объекта характерен для социально-гуманитарного познания, которое не имеет дело с непосредственной, чувственно воспринимаемой реальностью, как, например, физика и другие науки, изучающие природу *per se*. Объект такого познания всегда дается ученому опосредованно — в контексте тех идей, ценностно-целевых структур, философских понятий и научных теорий, которые приняты в данной парадигме. Поэтому если физика для исследования движения материальных тел и их взаимодействия, *как правило*, не задается вопросом о том, что есть тело, движение, пространство и тому подобное, а потому может сразу сделать их объектами своего изучения², то юридическая наука, имея дело с принципиально ненаблюдаемой (идеальной) действительностью, должна придать тому или иному феномену качество объекта исследования, то есть предварительно определить его в контексте господствующей концептуальной схемы [60, с. 153].

Обосновывая введенное различие объекта науки (в натуралистическом и методологическом смыслах) применительно к правоведению, оправданно обратиться к утвердившейся в советской юриспруденции концепции исторической типологии государственно-правовых систем. Исходным основанием данной типологии стал тезис К. Маркса о базисе и надстройке, с позиции которого свойства государства и права детерминированы социально-экономическим базисом — совокупностью производственных отношений и производительных сил общества [37, с. 6–7]. Взяв это представление за исходное, советское правоведение формулирует концепцию, в силу которой становление и различие государственно-правовых формаций — исторических типов государства и права — обусловлено исключительно экономическими факторами [40, с. 6]. Сообразно такому подходу, общественно-экономической формации капитализма присущ один тип государства и права, формации социализма — другой [4, с. 26]. Вместе с тем представления об обусловленности государства и права экономическим

² «Искомым референтом физической идеи является реальная вещь», — утверждает канадский философ естествознания Марио Бунге [13, с. 9].

базисом *tote coelo* не могут объяснить феномен мусульманского права, которое в равной мере оказывалось «жизнеспособным» и в социалистической (например, в Народно-Демократической Республике Йемен), и в капиталистической (к примеру, в Объединенных Арабских Эмиратах) формациях. В литературе отмечается, что социалистическая революция в Южном Йемене повлекла за собой лишь отказ от *отдельных институтов* мусульманского права, но не от мусульманского права в целом [35, с. 73]. Аналогичная позиция изложена в зарубежных исследованиях: английский ученый Фред Халлидей отмечает, что правовая система Народно-Демократической Республики Йемен, несмотря на переход к социалистическому способу производства, по своим основным характеристикам осталась системой мусульманского, а не социалистического права [83, р. 56].

На первый взгляд может показаться, что, приводя данный пример, мы допускаем неоправданное смешение формационной и компаративистской классификаций правовых систем. Однако соответствующий пример приводится осознанно, поскольку он наилучшим образом демонстрирует, что ученые-юристы видят правовую систему *не как таковую*, а так, как она представлена в различных концептуальных интерпретациях [5, с. 44–47; 36, с. 26]. Соответственно, поскольку мусульманское право «не вписывается» в формационную концепцию, его специфика остается без рассмотрения при избрании соответствующей концепции в качестве теоретического основания исследования. Аналогичным образом, принимая за исходную компаративистскую концепцию правовой системы, ученый-юрист неизбежно оставит за рамками своего исследования особенности правовых систем, выделяемые сообразно формационному подходу.

Потому, исследуя правовую систему (а равно и любой другой социально-правовой феномен), юрист-исследователь должен прежде всего сделать выбор исходных понятийных оснований, в зависимости от которых будут находиться само понимание правовой системы, представления о ее свойствах и характеристиках, критерии классификации и пр. Иными словами, правовая система и все иные социально-правовые феномены не обладают качеством объекта юридического исследования изначально (как, к примеру, объекты естественнонаучного познания), *но наделяются таким качеством в соответствии с исходными философскими, концептуально-юридическими и понятийно-терминологическими основаниями, избранными для исследования.*

Изложенное показывает, что объект научного изучения в юриспруденции предстает не как некоторая непосредственная данность, а как объект, описанный в той или иной философской картине мира и понятийной схеме, которые во многом детерминируют то, *как именно* объект предстает перед исследователем, *в каком качестве* он выявляется и объясняется (неслучайно основатель философии объективизма Айн Рэнд развивает тезис о том, что мышление не только *воссоздает* реальность, но и в существенной степени

создает ее [91, р. 1042]). Иными словами, юридическая наука (как и любая другая гуманитарная наука) не может взглянуть на свой объект *натуралистически*, то есть, следуя Гегелю, относиться к нему как к чему-то «самому по себе завершеному, готовому, *нисколько не нуждающемуся для своей действительности в мышлении* (курсив мой. — В.П.)» [18, с. 97]. В этом контексте объект научного государственно-правового познания есть объект *методологический* в том смысле, что изучается юриспруденцией не непосредственно, а *сквозь призму исходных философско-концептуальных и понятийно-правовых оснований* [6, с. 541; 50, с. 156–157].

Следующим этапом научно-правового познания становится отражение специфических свойств, характеристик познаваемого объекта, выступающее необходимой предпосылкой формирования теоретического знания [20, с. 99–100]. Интерпретация указанных свойств и характеристик носит производный характер от исходной системы базовых философских концепций и юридических понятий в том понимании, что соответствующие мировоззренческие и методологические основания юридического познания обуславливают контексты понимания государственно-правовых явлений и процессов и задают методологическое направление их исследований [49, с. 107].

Процесс формирования юридической теории заключается в создании «сознательно-сконструированной предметности» [33, с. 547], в которой мыслительно реконструируется познаваемая государственно-правовая действительность и создается ее абстрактная теоретическая модель [9, с. 10–15]. Яркой иллюстрацией этому является разработка немецким процессуалистом Оскаром фон Бюловым теории процессуальных предпосылок (нем.: *Proceßvoraussetzung*). В ее основу положено исходное представление о том, что юридический процесс есть правоотношение (система правоотношений), и что в этом смысле его возникновение обуславливается определенным фактическим составом. В его структуре автор теории выделяет субъектный состав, процессуальные действия субъектов, предмет и сроки процесса, охарактеризованные ученым в качестве «*конститутивных элементов процессуального правоотношения*» [14, с. 32]. При этом фон Бюлов подчеркивает, что его теория является «не только обобщением ряда процессуальных правил» [14, с. 33], но — в большей степени — теоретической репрезентацией процесса, его концептуальной моделью, служащей «целям научного освоения гражданского процессуального права» [14, с. 32].

Учение о процессуальных предпосылках представляет таким образом «не просто фиксацию действительности, а ее концептуализацию... в рамках... теоретической модели» [62, с. 11], создаваемой посредством абстракции, идеализации, применения специальных научно-познавательных методов. В этом смысле оно становится развернутой системой научного знания, позволяющей осмыслить в рамках единых представлений как весь юридический процесс вообще, так и его отдельные стадии (возбуждение

дела, его подготовку к судебному разбирательству и пр.) и процессуально-правоприменительные циклы (производство в суде первой инстанции, апелляционное и кассационное производство).

Формирование такой системы знания, по В.С. Степину, представляет собой «движение от картины мира к аналоговой модели и от нее к гипотетической схеме исследуемой области», в процессе которого «в новой системе отношений абстрактные объекты наделяются новыми признаками» [59, с. 18]. Тем самым построение юридической теории состоит в последовательной совокупности конструктивных операций, цель которых заключается в создании *понятийно-терминологической модели объекта* [45, с. 329]. Именно эта модель получает впоследствии знаково-языковую репрезентацию в научном исследовании.

Изложенное оправдывает отношение к научным правовым понятиям как к единицам юридического знания, выражающим квинтэссенцию (сущностную основу) теории. Эти единицы не имеют *строго логического характера*. С одной стороны, они фрагменты мышления, что сближает их с понятиями в логическом смысле [38, с. 11]; с другой, — от логических понятий юридические научные понятия отличаются рядом признаков, выделяемых в философской литературе. В частности, если логическое понятие отражает знаковую форму мышления, то понятие юридической науки — само содержание мышления; логическое понятие при этом вне исторично, не обусловлено индивидуально-психологическими и социокультурными (в том числе ценностно-целевыми установками общества) факторами, в то время как юридическое научное понятие исторически конкретно, психологически и социокультурно обусловлено как в плане его содержания, так и в смысле его знаково-языковой репрезентации [74, с. 127 и след.].

В то же время последнее не позволяет однозначно отождествить юридическое научное понятие с *понятием, понимаемым психологически*. В психологическом смысле понятие есть общий психический образ действительности, в формировании которого ключевую роль играют психические процессы — воображение, внимание, эмоции и тому подобное [53, с. 404]. Применительно к формированию юридического понятия указанные процессы не играют *ведущей* роли, которая принадлежит *научной методологии правоведения*. Имея своим объектом познающее государство и право, юридическое мышление, юридическая методология исходит из его языковой природы, рассматривает его именно как *языковое мышление* [11, с. 9]. Сказанное опосредует контексты различения понятия в научно-правовом и в *лингвистическом* смыслах. С точки зрения языкознания, понятие представляет собой языковое отражение предмета и находится с ним в референтных отношениях (отношениях означающего и означаемого) [22, с. 142; 31, с. 335; 57, с. 57]. Юридическое научное понятие, в свою очередь, актуализирует не просто отражение явлений и процессов правовой действительности, а их *теоретическую концептуализацию*.

Обобщая изложенное, *понятие в юридической науке допустимо определить как предметно-содержательную форму (единицу) юридического мышления, в которой на уровне теоретической (знаково-знаниевой) модели представлена государственно-правовая действительность в ее сущностных свойствах, основных характеристиках, закономерностях и тенденциях функционирования и развития* [2, с. 541]. Эта форма исторична, методологически и социокультурно обусловлена, в свернутом виде содержит в себе юридическую теорию и находит свое внешнее выражение в юридической терминологии, посредством которой осуществляется трансляция научного знания в юриспруденции.

Формирование понятия (теории) тем самым не является итогом научного государственно-правового познания. Научное понятие в юриспруденции нуждается в придании ему текстуальной формы, выражаясь в которой оно включается в процесс научной коммуникации, трансляции знания: без текстуальной формы научное понятие в юриспруденции остается, по образному выражению немецкого поэта Ф. Гёльдерлина, «молчанием эфира» (нем.: *die Stille des Äthers*). Примечательно, что стихотворение Ф. Гёльдерлина «*Da ich ein Knabe war...*», содержащее приведенную метафору, очень точно передает оппозицию понятия, лишённого терминологической формы, и термина, лишённого понятийного основания:

<...> *Ich verstand die Stille des Äthers,
Des Menschen Wort verstand ich nie*³.

Данный этап органически связан с *теоретическим определением* юридического понятия [21, с. 102], которое становится *третьим этапом научно-правового познания* [15, с. 9]. Определение понятия в юриспруденции, как и в любой другой научно-познавательной сфере, состоит в раскрытии его содержания посредством введения знаковых выражений (дефиниенсов), которые, применительно к предложениям языка правоведения должны «выполнять требование взаимозаменяемости» с определяемым понятием (дефиниендумом) [21, с. 101]. Иными словами, определение представляет собой «перевод» идеального содержания понятия в сферу языка правоведения, его оформление терминологической структурой [69, с. 47–48].

Классическим способом определения понятия считается определение его через ближайший род и видовое отличие (лат.: *per genus proximum et differentiam specificam*) [34, с. 116–117]. По характеристике отечественных исследователей данный способ определения понятий в юридической науке получил наибольшее распространение [27, с. 99; 43, с. 238].

Таким способом, в частности, определяет понятие закона Е.Г. Якушева: в ее трактовке закон есть «обладающий высшей юридической силой нормативный правовой акт, принятый в особом процессуальном порядке высшим

³ «Я понимал молчание эфира, / Людское слово я не понимал». Текст приводится по изданию: [86, s. 261].

представительным органом государственной власти или непосредственно народом, регулирующий наиболее важные социально значимые общественные отношения» [76, с. 911]. В данном определении усматривается ближайший род (нормативный правовой акт) и видовые отличия (особый процессуальный порядок принятия, субъекты принятия, сфера регулирования), позволяющие отграничить понятие о законе от смежных понятий (например, понятия подзаконного акта). Тем самым для определения правового понятия через ближайший род и видовое отличие необходимо обращение не только к специфическим признакам понятия, но и к *родовой категории*.

Этот момент в дефинировании научно-правовых понятий проблематизирует Герберт Харт: «...обычно, — утверждает он, — требование дать определение правового понятия — “что такое нарушение права?” или “что такое договор?” — не может быть удовлетворено представлением словесного правила для перевода юридического выражения в другие термины либо правила, конкретизирующего совокупность необходимых или достаточных условий» [85, р. 147]. Приведенный тезис Харт поясняет следующим образом: система понятий в правоведении отмечена условностью в том смысле, что их содержание вариативно, обусловлено актуальными дискурсивными практиками, а терминологические формы — историчны и изменчивы [85, р. 161–162]. С этих позиций затрудняется традиционный способ определения понятий применительно к юриспруденции, поскольку для него характерно рассмотрение определяемого понятия в связи с *единичными понятиями*, имеющими стабильное содержание и терминологическую форму, инвариантные конкретным условиям и методологии их употребления [42, с. 234].

Разделяя приведенную позицию, проиллюстрируем ее на примере определения понятия «гражданско-правовой договор». В зависимости от исследовательских контекстов родовыми (по отношению к рассматриваемому понятию) могут быть понятия о сделке [32, с. 117], правоотношении [24, с. 26–27], юридическом факте [1, с. 73–74], соглашении [72, с. 69] и средстве правового регулирования [65, с. 50]. Отсюда, в свою очередь, вытекает многообразие определений гражданско-правового договора. Данное обстоятельство отмечает Б.И. Пугинский: «Если договор выполняет регулиющую роль — и в этом видится его главное назначение, — то как можно пытаться раскрывать сущность договора через понятия “сделка” и “правоотношение” ... Ведь ни сделка, ни правоотношение никогда и ни в малейшей степени не выполняли праворегулирующую функцию. То же относится и к распространенным суждениям о договоре как о юридическом факте» [48, с. 165]. Полярную точку зрения отстаивает В.А. Белов, рассуждая о правомерности определения понятия о договоре в гражданском праве через родовую категорию юридического факта [7, с. 257–258]. Из этого следует, что определение понятия о гражданско-правовом договоре *per genus proximum et differentiam specificam* будет качественно различным исходя из избранной родовой категории [10, с. 44, 45; 19, с. 15; 39, с. 27; 58, с. 123].

С позиции методологии науки указанный факт проблематизирует *истинность такого определения*. Исследуя эту проблему, Г. Харт приходит к выводу о том, что специфика понятийного аппарата правоведения детерминирует методологию юридических определений. Если традиционный способ определения понятий, по Харту, предполагает их конкретизации через единичные понятия и термины, имеющие строго установленное значение, то в юриспруденции определение понятий должно осуществляться через *научные предложения*, то есть утверждения (высказывания), которые в системном единстве являются истинными [42, с. 234; 78, р. 1043–1044]; соответствующий способ Харт именует «объясняющим прояснением» [67, с. 147; 84, р. 960] (англ.: *explanatory elucidation*).

Предложенный Хартум способ дефиниции научных правовых понятий методологически перекликается с доктриной «открытой текстуры» (англ.: *open texture*), сложившейся в западной аналитической юриспруденции. Эта доктрина исходит из того, что смысл, вкладываемый в содержание научно-правовых понятий и значение юридических терминов, *всегда* вариативен и формируется конкретными исследовательскими и социокультурными контекстами [25, с. 242; 26, с. 50; 66, с. 127]; соответственно, в оценке истинности юридических определений неприменим (или, по крайней мере, применим лишь в ограниченных случаях) классический *критерий референции*, вместо которого доктрина «открытой текстуры» предлагает критерий *когеренции* [41, с. 95; 79, р. 52; 80, р. 43]. Доктрина «открытой текстуры» и метод объясняющего прояснения Харта показывают свою методологическую продуктивность при обозначении научно-правовых понятий, отражающих *идеальные объекты государственно-правовой действительности, не имеющие материальных (эмпирических) референтов*.

Характерным примером здесь выступает понятие о юридическом лице (корпорации). В цивилистике распространены представления (обоснованные еще Ф.-К. фон Савиньи) о том, что юридическое лицо есть правовая фикция [12, с. 72], субъект, который не существует в реальной действительности, но искусственно признается существующим в социально-правовых целях [61, с. 5]. Основой для определения понятия о юридическом лице в предложенной трактовке служит базовое представление о том, что юридическая фикция есть фикция вообще, *осознанная невозможность* [56, с. 28–31]. Следовательно, считая юридическую фикцию частным случаем фиктивности в общем смысле, а реально существующим — то, что имеет соотнесенность с некоторой эмпирической формой, и принимая данные утверждения за истинные, юридическое лицо будет методологически правомерно считать фиктивным субъектом.

С другой стороны, вводя представления о догматической фикции (нем.: *dogmatische Fiktion*), правовед Рудольф фон Иеринг отмечает ее главное отличие от фикции в логико-философском смысле: цель догматической (юридической) фикции состоит в том, чтобы «облегчить юридическое

представление» [73, с. 92; 87, s. 299; 89, p. 71–75; 90, p. 211]. В этом смысле догматическая (юридическая) фикция, заложенная в конструкцию юридического лица, не позволяет считать его измышленным, не существующим реально субъектом. В то же время, принимая данное утверждение за истинное, необходимо соотнести его со вторым из исходных утверждений — с тем, что реально существует лишь то, что имеет материальную форму. При сопоставлении данных утверждений в рамках единого определения понятия юридического лица полученное на их основе определение не будет истинным в том смысле, что *основано на исходных предложениях, относящихся к качественно различным мировоззренческим и дискурсивным системам* [95, p. 438]. Соответственно, чтобы определение понятия о юридическом лице было истинным, необходимо, чтобы предложения, вводимые для построения данного определения, при взаимном соотношении так же были бы истинными⁴. Неслучайно, что в связи с этим Генрих Риккерт отмечал: «Мы познаем не посредством представлений, а посредством суждений (курсив мой. — В.П.)» [51, с. 219]. Следовательно, можно утверждать, что *при определении понятий в современной правовой науке применяются два основных способа: через ближайший род и видовое отличие и через объясняющее прояснение*. При этом определение в юриспруденции не утрачивает своей первоначальной логической сущности и видового многообразия: например, А.Ф. Черданцев выделяет в юриспруденции номинальные и реальные, явные и неявные, субстанциальные, структурные и функциональные, а также генетические определения [69, с. 49 и след.].

Результатом определения научно-правового понятия становится приращение ему терминологической формы, значение которой передает основные смысловые акценты определения этого понятия [68, с. 104]. Эта терминологическая форма становится *словом* в структуре научного текста, которому контекстуально сообщаются соответствующие номинативные и концептуальные смыслы [28, с. 19; 82, p. 20; 88, p. 10; 96, p. 879]. В процессе научного государственно-правового познания этот этап является *завершающим*.

Обобщая изложенное, процесс научного познания государства и права, в сжатом виде описанный ранее, можно схематически изобразить в следующей логике: *феномен (фрагмент действительности) → отражение → интерпретация → объект → теория (понятие) → определение → термин → слово*.

Представленная логическая цепочка позволяет охарактеризовать научно-правовое познание как процесс «удвоения» познаваемой действительности; его исходным моментом выступает выделение познаваемого фрагмента действительности, а завершающим — создание его теоретической модели языковыми средствами, *знаковое замещение объекта*. В такой

⁴ В то же время в современной теории права высказываются мнения о том, что оценка определений научно-правовых понятий с точки зрения их истинности в принципе неприменима [17, с. 145; 81, p. 37].

логике, идеальный, сконструированный предмет юриспруденции выражается (для целей его восприятия) в определенной знаковой системе. В этом контексте проявляется единство надэмпирического (теоретико-понятийного) и эмпирического (текстуально-знакового) начала в научном познании права, то есть функциональная и методологическая взаимосвязь понятийного и терминологического аппарата правоведения [44, с. 29; 77, р. 44].

Из изложенного следует вывод, что в методологических целях исследования юридической науки ее понятийный и терминологический аппарат допустимо рассматривать в функциональном единстве. Сказанное опосредует необходимость концептуального определения понятийно-терминологического аппарата юриспруденции. Основываясь на изложенном ранее, можно предложить определение *понятийно-терминологического аппарата юридической науки как опосредованной содержанием и методологией правоведения системной взаимосвязи и взаимообусловленности научно-правовых понятий и форм их терминологического выражения, взятых в своей функциональной общности в качестве единиц языкового юридического мышления.*

Список литературы

1. Александров Н.Г. К вопросу о роли договора в правовом регулировании общественных отношений // Ученые записки Всесоюзного института юридических наук. Вып. 6. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1946.
2. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 2: Специальные вопросы правоведения. М.: Статут, 2010.
3. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 5: Линия права. Отдельные проблемы концепции. М.: Статут, 2010.
4. Алексеев С.С. Теория права. М.: Издательство БЕК, 1995.
5. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права: сборник / отв. ред. В.А. Туманов. М.: Прогресс, 1981.
6. Бекбаев Е.З. Выбор объекта исследования в теории права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 3.
7. Белов В.А. К вопросу о соотношении понятий обязательства и договора // Вестник гражданского права. 2007. № 4.
8. Беляев М.А. Научное познание права: генезис и эпистемологическая специфика: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2009.
9. Березина Е.А. Правовое регулирование: вопросы теории: монография / Е.А. Березина. М.: КНОРУС, 2020.
10. Березина Е.А. Пределы правового регулирования общественных отношений: проблемы понимания, классификация и значение в механизме правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4(113).

11. Боруленков Ю.П. Правовое мышление как интеллектуальная составляющая юридического познания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 2(331).
12. Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве (понятие, виды, государственные юридические лица). М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1947.
13. Бунге М. Философия физики: Пер. с англ. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Эдиториал УРСС, 2003.
14. Бюлов О. Учение о процессуальных возражениях и процессуальные предпосылки / пер. с нем. Д.С. Ксенофонтовой; отв. ред. Д.Х. Валеев. М.: Статут, 2019.
15. Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2010.
16. Васильев А.М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юридическая литература, 1976.
17. Ветютнев Ю.Ю. Выбор правопонимания: значение и критерии // Проблемы понимания права: Сборник научных статей. Серия: Право России: новые подходы. Вып. 3. Саратов: Научная книга, 2007.
18. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 1. М.: Мысль, 1970.
19. Герлох А. О методах познания права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1983. № 1.
20. Горский Д.П. Вопросы абстракции и образование понятий. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1961.
21. Горский Д.П. Определение (логико-методологические проблемы). М.: Мысль, 1974.
22. Гухман М.М. Лингвистическая теория Л. Вейсберга // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике / Отв. ред. Р.А. Будагов, М.М. Гухман. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1961.
23. Жеребило Т.В. Проблемы описания понятийно-терминологического аппарата и общеупотребительной лексики в учебных целях. Грозный: Издательство Чечено-Ингушского государственного педагогического института, 1993.
24. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юридическая литература, 1975.
25. Касаткин С.Н. К проблеме идейных оснований доктрины «открытой текстуры» в праве: философия языка vs. юриспруденция правил // Мир человека: нормативное измерение — 6. Нормы мышления, восприятия, поведения: сходство, различие, взаимосвязь. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019.
26. Касаткин С.Н. Объяснение правовых понятий в аналитической юриспруденции Г. Харта: методология и проблематизация // Труды Института государства и права Российской Академии Наук. 2018. Т. 13. № 1.
27. Касаткин С.Н. Определение в аналитической юриспруденции Г. Харта 1950-х гг.: философские и правоведческие аспекты // Проблемы методологии и философии права: сборник статей. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2016.
28. Ким В.В., Блажевич Н.В. Язык науки: Философско-методологические аспекты / Рос. филос. о-во; Межвуз. центр проблем непрерыв. гуманитар,

- образования при Урал. гос. ун-те им. А.М. Горького. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998.
29. Кичева И.В. Трансформации современного понятийно-терминологического аппарата российской педагогики. Пятигорск: Издательство Пятигорского государственного лингвистического университета, 2011.
  30. Козлов В.А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989.
  31. Коровина И.В. Соотношение понятий «знак», «референт», «денотат» и «концепт» как основных элементов референции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Филология». 2010. № 4(1).
  32. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958.
  33. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: АСТ, 2000.
  34. Лосский Н.О. Логика. Т. I. Берлин: Обелиск, 1923.
  35. Мазурин А.А. Основные тенденции возникновения и развития мусульманского права // Теория государства и права. 2019. № 4(16).
  36. Маркова-Мурашова С.А. Национальная правовая система России и типология правопонимания: Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2006.
  37. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959.
  38. Назаренко П.А. Формирование логического учения о понятии и суждении: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2000.
  39. Нерсесянц В.С. Право: многообразие определений и единство понятия // Советское государство и право. 1983. № 10.
  40. Нерсесянц В.С. Сравнительное правоведение в системе юриспруденции // Государство и право. 2001. № 6.
  41. Оглезнев В.В. «Открытая текстура» правовых понятий и теория семантических прототипов // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452.
  42. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Определение *per genus proximum et differentiam specificam* и юридический язык // СХОЛН. 2015. Vol. 9. No. 2.
  43. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Питер Хакер об определении в юриспруденции // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Политология». 2017. № 39.
  44. Панарина Д.В. Современные проблемы и тенденции развития языка общей теории судебной экспертизы: Дис. ... канд. юрид. наук. Тула: Тульский государственный университет, 2018.
  45. Петров С. Познание и моделирование // Ленинская теория отражения и современность. София: Наука и искусство, 1969.
  46. Пожарский Д.В. Понятийный аппарат юридической науки и роль догматизма в его развитии // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3(51).
  47. Пошер Р. Теория призрака — безрезультатный поиск теорией принципов своего предмета // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2015. № 5(322).

48. Пугинский Б.И. Частный договор в научной картине права // Ученые-юристы МГУ о современном праве: Сборник статей / Под ред. М.К. Треушниковой. М.: Городец, 2005.
49. Пучков О.А. О предмете юридической антропологии // Российский юридический журнал. 1999. № 4(24).
50. Райнах А. Собрание сочинений / Пер. с нем., сост., послесл. коммент. В.А. Куренного. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.
51. Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб.: Наука, 1997.
52. Розин В.М. Понятия «предмет» и «объект» (методологический анализ) // Вопросы философии. 2012. № 11.
53. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Издательство «Питер», 2002.
54. Савиньи Ф.-К. фон. Система современного римского права. Т. I / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011.
55. Савиньи Ф.-К. фон. Система современного римского права: В 8 т. Т. III / Пер. с нем. Г. Жигулина; Под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2013.
56. Саркисян Л.Р. Юридические фикции: логико-доктринальный анализ: Дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российский университет дружбы народов, 2018.
57. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к языковым явлениям. М.: Наука, 1983.
58. Степанова Ю.П. Об основаниях исследования понятия «механизм освобождения от юридической ответственности» // Теория государства и права. 2020. № 3–1 (19–1).
59. Стёпин В.С. Парадигмальные образцы решения теоретических задач и их генезис // Философия науки. Вып. 4. М.: Институт философии Российской Академии Наук, 1998.
60. Стёпин В.С., Смирнова Н.М., Синеокая Ю.В. Существует ли методологический изоморфизм естественнонаучного и социально-гуманитарного знания? // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 3.
61. Танимов О.В. Развитие юридических фикций в эпоху Нового времени // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4.
62. Тарасов Н.Н. К вопросу о предмете общей теории права и теоретических понятиях // Российский юридический журнал. 2015. № 6(105).
63. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2001.
64. Фреге Г. Логико-философские труды / Готлоб Фреге; пер. с англ., нем. и франц. В.А. Суровцева. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2008.
65. Халфина Р.О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве / Отв. ред. Можейко В.Н. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1954.
66. Харт Г.Л.А. Понятие права / пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб.: Изд-во С-Петербур. ун-та, 2007.
67. Харт Г.Л.А. Философия и язык права / пер. с англ. под ред. В.В. Оглезнева, В.А. Суровцева. М.: Канон+, 2017.

68. Хижняк С.П. Семантические свойства юридического термина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 2.
69. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М.: НОРМА, 2012.
70. Честнов И.Л. Принцип диалога в современной теории права (проблемы правопонимания): Дис. ... д-ра юрид. наук. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры, 2002.
71. Честнов И.Л. Философские основания юридической науки // Метафизика права: материалы межвузовского научно-методического коллоквиума по вопросам методологии и методики юридических исследований / под общ. ред. И.Л. Честнова. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017.
72. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 2 / Г.Ф. Шершеневич. М.: Статут, 2005.
73. Ширвиндт А.М. Значение фикции в римском праве: Дис. ... канд. юрид. наук. М.: Институт государства и права Российской Академии Наук, 2011.
74. Щедровицкий Г.П. О методе исследования мышления / Составители и ответственные редакторы: А.А. Пископшель, В.Р. Рокитянский, Л.П. Щедровицкий. М.: Фонд «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого», 2006.
75. Юридическая техника: учебное пособие по подготовке законопроектов и иных нормативных правовых актов органами исполнительной власти / Под ред. Н.А. Власенко, Т.Я. Хабриевой. М.: Эксмо, 2009.
76. Якушева Н.Г. Закон как источник права современного российского правового государства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2019. Т. 29. № 6.
77. Ammann O. Domestic Courts and the Interpretation of International Law: Methods and Reasoning Based on the Swiss Example. Leiden: Koninklijke Brill NV, 2020.
78. Bix B. A New Historical Jurisprudence? // Washington University Law Review. 2018. Vol. 95.
79. Bix B.H.L.A. Hart and the «Open Texture» of Language // Law and Philosophy. 1991. Vol. 10. No. 1. P. 52 et seq.
80. Bix B. Jurisprudence: Theory and Context. 3rd ed. Durham: Carolina Academic Press, 2004.
81. Bix B. Reflections on Truth in Law // Cosmos + Taxis. 2020. Vol. 8. Iss. 6.
82. Haack S. Truth, Truths, «Truth» and «Truths» in the Law // Harvard Journal of Law and Public Policy. 2003. Vol. 26. No. 1.
83. Halliday F. Aspects of South Yemen's Foreign Policy (1967–1982): Thesis Submitted for the Degree of Doctor of Philosophy. London: London School of Economics and Political Science, 1985.
84. Hart H.L.A. Analytical Jurisprudence in Mid-Twentieth Century: A Reply to Professor Bodenheimer // University of Pennsylvania Law Review. 1957. Vol. 105. Iss. 7.
85. Hart H.L.A. The Ascription of Responsibility and Rights // Essays on Logic and Language / Ed. by G. Ryle and A. Flew. Oxford: Blackwell, 1951.
86. Hölderlin F. Sämtliche Werke. 6 Bände. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1946.

87. Jhering R. von. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. Teil 3. Bd. 1. Leipzig: Breitkopf und Härtel, 1865.
88. Jiahong H. The Rules of Presumption in Chinese Laws // China Legal Science. 2020. Vol. 8. No. 3.
89. Knauer N.J. Legal Fictions and Juristic Truth // St. Thomas Law Review. 2010. Vol. 23.
90. Pringsheim F. Symbol und Fiktion in antiken Rechten // Studi in onore di Pietro de Francisci. Milano: Giuffrè, 1956.
91. Rand A. Atlas Shrugged. New York: Random House, 1957.
92. Reichenbach H. Experience and Prediction: An Analysis of the Foundations and the Structure of Knowledge. Chicago: University of Chicago Press, 1938.
93. Strasser A. Kognition künstlicher Systeme. Frankfurt: Ontos-Verlag, 2007.
94. Strauch H.-J. Methodenlehre des gerichtlichen Erkenntnisverfahrens: Prozesse richterlicher Kognition. München: Verlag Karl Alber Freiburg, 2017.
95. Szubert P. Meinung, Konstruktion, Interpretation. Wie der Weg zur genaueren Kenntnis in der Rechtswissenschaft gebahnt wird // Kwartalnik Neofilologiczny. 2020. No. 3.
96. Terral F. L'empreinte culturelle des termes juridiques // Meta. 2004. Vol. 49.